

«А ЧЛЕН У ВАС ДЛИННЫЙ И ТОЛСТЫЙ?» — спрашивает Говард Стерн гостя, пришедшего в его нью-йоркскую студию утром в четверг. В роли гостя, к сожалению, выступаю я сам. Крыло Говарда Стерна в здании радиокompании SiriusXM — это не просто офисы и студии. Это поле боя. Каждый, кто пересекает границу, превращается в живую мишень.

По коридорам бродят люди с видеокameraми и диктофонами, их задача — двадцать четыре часа в сутки производить контент. Сценаристы и продюсеры то выбегают из дверей, то вбегают обратно, словно в мультфильмах Warner Bros, собирая новости, придумывая шутки и договариваясь о прямых линиях с собеседниками.

В студии на самодельном троне восседает Говард Стерн, усталый, но по-прежнему всемогущий. По одну сторону от него — массивный стол для переговоров, по другую — микшерский пульт, заваленный ключ-

прерывно обстреливал меня вопросами, и я выдал миллион радиослушателей то, что не говорил даже своей возлюбленной (и что стоило мне потом десятков букетов и извинений). Наглядное объяснение тому, что Говард Стерн после тридцати пяти лет в радиоэфире до сих пор не имеет конкурентов. Когда в 2006 году он покинул FM-диапазон и перешел на спутниковую радиостанцию Sirius, недоброжелатели утверждали, что он по собственной воле лишает себя аудитории. Но кто бы что ни говорил, пять лет спустя 57-летний Стерн по-прежнему извес-

сизм, возведенный в ранг искусства? «Я много раз спрашивал, но диагноза мне так никто и не поставил. Но если я нарцисс, то лучший чертов нарцисс на планете», — говорит Стерн, расположившись в офисе после окончания эфира.

Когда вас спрашивают, как вам удается брать такие интересные интервью, вы объясняете это своим неумным любопытством. Но когда вы брали интервью у меня, я понял, что причина еще и в том, что у вас нечто вроде расстройства внимания.

Вы абсолютно правы. Чаще всего меня критикуют за то, что я не даю людям договорить. А помоему, это мое самое главное преимущество. На первый взгляд я себе противоречу, но факт в том, что нельзя позволять людям бесконечно трюндеть. Это я здесь дирижер, и я понимаю: слушатель все время хочет чего-то нового, нужно, чтобы эфир был бодрым. Я не хочу, чтобы гости опозорились и программа

держивать разговор с кем бы то ни было. Я не люблю сидеть и слушать, я совершенно не общителен. Это странно. Но когда у меня получается хорошая радиопередача, я это чувствую. Я чувую, когда разговор идет в нужном направлении. Но вообще я не из тех, кого все на свете интересует.

Во время интервью я чувствовал, будто танцую на горячих углях, развлекая директора манежа.

Когда вы заговорили о том, что ваша девушка иногда остается сухой во время секса, я понял, что попал в яблочко. То есть попали в яблочко вы, но я вас к этому подвел. Я знал, что слушателям это страшно понравится, ощущал их присутствие в студии. Значит, я справился с работой.

Просчитываете ли вы что-либо в уме, когда ведете программу?

Мне кажется, когда я веду программу, я просчитываю в уме

«С точки зрения моего психотерапевта, я никак не могу признаться себе, что мне нравится вести радиопередачи. Я ведь собирался бросить работу просто для того, чтобы не сойти с ума»

ками бумаги. По меньшей мере пять компьютерных мониторов загромождают Говарда от посторонних взглядов. Стерн практически полностью изолирован от своей команды. Его помощница Робин Квиверс находится за стеклом на другом конце студии, а верный звукорежиссер Фред Норрис скрыт за перегородкой по левую руку от создателя. Гости Стерна абсолютно беззащитны, их красный диван со всех сторон окружен соратниками ведущего. Каждая деталь в планировке студии напоминает о том, что это королевство Говарда и что всякому, кто не становится советником короля, уготована роль придворного шута.

Я пришел в студию, чтобы посмотреть, как Стерн ведет свою радиопередачу, по окончании которой он должен был дать интервью *Rolling Stone*, однако в итоге пришлось сыграть роль шута: Говард целый час не-

тен любому американцу. Благодаря Говарду число подписчиков Sirius почти сравнялось с числом тех, кто слушал Стерна через транзисторные приемники. Говард так долго и успешно занимается своим делом, что его, в прошлом главного аутайдера, теперь можно назвать старейшиной радиоэфира. За ведущим давно закрепилась кличка «Мистер Нескромный Вопрос», но теперь кажется, что он перерос это прозвище. Стерн умнее и известнее большинства своих гостей, он может позволить себе в эфире шоу Леттермана учить Дэвида, как вести передачу. Он способен импровизировать по четыре часа в день, четыре дня в неделю. Стерна и его команду, делающую среди прочего новостную передачу Howard 100 News, можно не только слушать в эфире двух станций сети SiriusXM, но и видеть на личном кабельном телеканале Стерна HowardTV. Что это — нарцис-

вышла неудачной. Я считаю, что хороший интервьюер не только задает правильные вопросы, но и знает, что нужно аудитории. Этому, помоему, нигде нельзя научиться.

И как же этому научились вы?

Подозреваю, дело в том, что родители в детстве просили меня пародировать людей. Я изображал соседских тетюшек, и родители катились по полу от смеха. Но иногда отец говорил: «Хватит! И так уже затянул до невозможности! Покороче давай! Интереснее!» Вряд ли такое можно говорить маленькому ребенку. Но я старался делать пародии короче, чтобы удержать внимание родителей. Так что теперь я опасуюсь долгих разговоров.

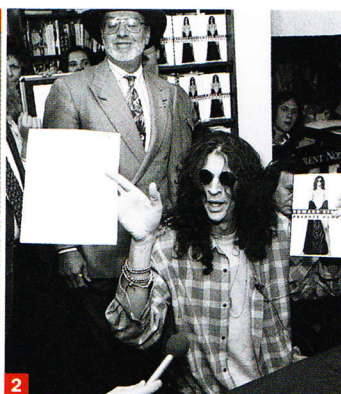
Хорошо, вы боитесь наскутить слушателям. Но если абстрагироваться от этого, интересно ли вам слушать, как другие люди рассказывают о себе?

Я бы сказал, что нет. В обычной жизни мне трудно под-

все. Это безумие. После эфира я возвращаюсь в офис, занимаюсь трансцендентальной медитацией и вырубаясь. У меня голова гудит. Я как выжать лимон. Когда-то я зарабатывал деньги мытьем посуды. Это было приятнее, чем вести передачу. Размеренный физический труд — когда ты делаешь что-то при помощи своего тела. У меня были друзья, жизнь была проще. А на этой работе ужасно закливаешься. Я себя чуть с ума не свел во время сегодняшней программы, честное слово.

Вы все время смотрели на меня, чтобы понять, смешно ли вы пошутили.

Точно, так и было. Я наблюдал за вашей реакцией. Когда я читал новости, мне показалось, что я особенно удачно пошутил, но взглянув на вас, я понял, что вы никак на это не отреагировали. Даже не засмеялись. Я подумал: «Вот черт, сегодня

Ведет к дефектам

(1) Стерн на радио NBC, 1985 год. (2) На автограф-сессии по случаю выхода своей автобиографии «Интимные места», 1993 год. (3) С родителями, первой женой Элисон и комиком Джеки Мэйсоном (второй справа), 1994 год. (4) В выпускном классе, 1972 год.

не мой день». Это меня страшно раздосадовало. Я же временами очень смешно шутил. А вы не смеялись. Это ужасно. Я говорил себе: «Да брось ты за ним наблюдать!» — но не смог перестать. Я уверен, что в глубине души мне нравится вести свою передачу каждый день. Но из-за невроза я уделяю ей столько внимания, что ужасно устаю и ничего не могу с этим поделать. Проблема в том, что я слишком серьезно к ней отношусь. Я не могу выйти отсюда со словами: «Сегодня была хорошая передача, я доволен». Нет, мне нужно знать, понравилась ли передача вам, довольны ли вы. В этом мой невроз, это источник всех моих проблем.

И из-за этого вы научились определять, что чувствуют другие люди, по таким признакам, о которых они даже не подозревают.

Я научился чувствовать собеседника, потому что моя мать была очень требовательна ко мне в одном: она хотела, чтобы я улавливал ее настроение, знал, чего она хочет. Я понимал все, стоило мне только взглянуть ей в глаза. Я чувствовал, когда она злится, а когда грустит, понимал, что она думает.

Меня запрограммировали делать маму счастливой. И клянусь, когда я веду программу, то примечаю все. Я знаю, сколько раз вы моргнули. Вы, кстати, часто моргаете. Я за всем слежу.

Бойтесь ли вы с возрастом потерять остроту реакции?

Я задавался этим вопросом, когда подписывал новый контракт на пять лет: «Я действительно все еще такой же быстрый и умный, как раньше?» Думаю, что да. Когда завершится срок действия этого контракта, мне будет шестьдесят один год. По моему, подходящее время, чтобы уйти на покой. Но кто его знает?

Вы самокритичны?

Мы иногда устраиваем Крулый Стол Знаменитых Фанатов (во время которого известные поклонники Стерна обсуждают его радиопередачу — прим. RS). Как-то раз я его слушал. Там мне наговорили столько комплиментов, что это разогрело мой невроз и обсессивно-компульсивное расстройство. Я подумал: «Боже, эти люди считают меня таким талантливым! У меня эфир в понедельник, я не смогу снова так же хорошо провести

программу, чтобы угодить им. Они меня возненавидят». Знаете, я ведь даже к врачу хожу. Уже давно.

И я сам не понимаю, почему на всем задикиваюсь, почему мне нужно, чтобы все было идеально, почему каждое мое появление в эфире должно быть самым лучшим. Я ужасно требователен к себе! Это мучительно! Но врач мне помогает.

Каким образом?

Задача в том, чтобы после окончания программы я смог сказать себе: «Мне сегодняшняя программа понравилась, а что думают другие — не имеет ни малейшего значения». Смогу ли я когда-нибудь это сделать? Сомневаюсь. Но мне бы этого хотелось. Надеюсь, что до того, как я умру, я еще смогу однажды почувствовать это. Терапия помогла. Я уже не ощущаю себя обособленным от других роботом.

Вы все время заняты радиопередачей, мне кажется, вам нужно чаще отвлекаться от работы.

С точки зрения моего психотерапевта, я никак не могу признать себе, что мне нравится вести радиопередачу. Я ведь собирался бросить работу просто для того, чтобы не сойти с ума. А мой врач сказал: «В глубине души вы знаете, что вам это нравится, вам это нужно». Если мне на самом деле не хочется контактировать с людьми, зачем я тогда завел себе твиттер? В глубине души я отчаянно нуждаюсь в таком контакте, в признании, в том, чтобы меня слушали миллионы людей.

Не напоминаете ли вы себе наркомана, говорящего о наркотиках?

Это и есть зависимость. Совершенно верно. Это зависимость от людей. Я подсел на людей.

Похоже на зависимость от секса. Внутри тебя образуется дыра, заполнить которую может только человеческое внимание. А когда эффект от первой дозы проходит, требуется другая, еще больше.

Зависимость от секса, зависимость от людей — суть одна и та же. На самом деле просто боишься остаться наедине с собой. Вот вам насколько необходим секс? Ведь не в нем суть. После развода я подумал: «О, здо-

Фруктовый эфир

(1) Стерн на шоу Джона Стюарта, 2005 год. (2) Говард со своей второй женой — моделью Бет Островски, Нью-Йорк, 2009 год. (3) Первый выход Стерна в эфир спутниковой радиостанции Sirius из ее нью-йоркской студии, 2006 год. (4) Говард со своей помощницей Робин Квиверс, 2006 год.

рово, можно трахаться». И начал гоняться за юбками, кадрить девушек. Но потом меня осенило, что мне не так уж необходим секс. Мне необходимо, чтобы рядом со мной каждую минуту кто-то был. Я использовал женщин как суррогатных матерей. Когда я осознал это, то понял, что веду себя как ребенок. Женщины пользуются мной, потому что я знаменит, я пользуюсь ими, потому что они красивы. Все это пусто, поверхностно.

Я спрошу вас об этом только потому, что вы сами спросили об этом у меня в эфире. Со сколькими женщинами вы тогда переспали?

С бесчисленным количеством. Я слетел с тормозов. Мне было необходимо каждый вечер проводить с женщиной. Постоянной спутницы жизни у меня не было где-то год. Не знаю, сколько у меня за это время было женщин.

Больше сотни?

Нет-нет. Я не настолько превратился в животное. Но по моим

меркам — много. Мне стало не по себе от того, что я был с женщинами, к которым не испытывал никаких чувств. Наутро я словно говорил: «Все, с тобой дело кончено», и отправлял девушку в отставку. Не знаю, как другим мужчинам удается так поступать. Конечно, мужчины скажут, что если можно трахать кого хочешь и не задевать ничьих чувств, то это здорово. Но так в жизни не бывает.

Вот почему люди вроде Чарли Шина спят с проститутками.

Я слишком боюсь что-нибудь подцепить.

Для вас, думаю, важно не только получать удовольствие, но и быть желанным.

Это правда. Я сам не могу ценить свои достижения — появление в шоу Леттермана или удачный выпуск радиопередачи, — но мне нужно, чтобы моя женщина ценила меня. Тогда я чувствую себя нужным. Так жить очень трудно. Очень тяжело.

Вы не хотите так жить, но именно таков ваш образ радиоведущего, с помощью этого вы зарабатываете деньги.

Забавно, что люди воспринимают меня как какое-то дикое животное. На самом деле мне интересно брать интервью у «диких животных» именно потому, что сам я очень сдержан. Мне интересны люди, которые не могут держать себя в руках, интересны порноактрисы, которые пошли против воли собственных семей, против норм морали, против общественных ценностей. Я в какой-то мере восхищаюсь тем, что Чарли Шин может послать весь мир к черту. Он как автокатастрофа, за ним так же интересно наблюдать. Знаете, сколько людей в Голливуде на все готовы, чтобы попасть в хитовый телесериал? А Чарли на все насрать, и тут уж не знаешь, выдавать ему орден или везти в дурдом. Но я не такой. Уж если кому не насрать, так это мне. Мне важно, что думаете вы, мне важно, что думают мои

родители. Это даже слишком важно для меня. Я в сущности такой же странный, как Чарли Шин: ему на все насрать, а мне до всего есть дело. Как тут найти золотую середину?

У вас были сложности в отношениях с родителями?

Отец был от меня очень далек в эмоциональном плане. Он много работал, приходил домой в семь часов и уходил рано утром. Я не помню, чтобы отец в детстве хоть раз спросил меня: «Как ты себя чувствуешь?», «Как у тебя дела?». Отец этим не интересовался. Жизнь была сложная, я рос белым парнем в черном квартале, но никто не спрашивал меня, каково мне в таких условиях. Никому не было важно, что я думал и чувствовал. Мы с мамой часто разговаривали, но в большинстве случаев — о ней, о ее чувствах, проблемах. У меня замечательная сестра, но мы с ней никогда не были близки. Думаю, именно из-за этого мне теперь трудно сблизиться с людьми. Я всегда был аути-

сайдером. Мне грустно от этого, ведь я обожаю своих родителей. Они еще живы, они замечательные люди, я часто их навещаю, они во всем меня поддерживают. Но в юности я был никому не нужен и из-за этого попадал в опасные ситуации.

Например?

Я вырос в ужасном районе. Было страшно расти в одной из немногих белых семей в округе. Но родители никогда со мной это не обсуждали. Казалось бы, когда в течение года все твои друзья, все до единого, уезжают и ты остаешься один — это достойная тема для разговора. Но я не жаловался на это своим родителям. Мне было неудобно сказать им: «Я так не могу». Но в том районе, где я жил в детстве, на тебя могли ни с того ни с сего накричать или наброситься с кулаками.

Но когда вы переехали в район, где жили белые, ничего не изменилось. Значит, дело было

ствами. Я прослушивал каждую передачу в записи, часами редактировал выпуски, придумывал рекламу, отбивки и заставки. Целыми днями только об этом и думал. Знаете, я недавно слушал передачу, в которой Чарли Шин пробовал свои силы в роли ведущего. Первый выпуск был катастрофическим провалом, это даже Чарли признает. И я подумал: «Вот бы мне стать продюсером этого шоу». Столько всего интересного можно было бы сделать. Я просто фонтанировал идеями: «Испытай этих девиц на детекторе лжи! Устрой пресс-конференцию! Позвони по трем адресам сутенеров, предложи шлюхам деньги. Первая шлюха, доехавшая до студии, получает пятнадцать тысяч!» Трах, бум, бах!

Какие у вас планы на грядущие пять лет?

Ничего конкретного я еще не придумал. Когда я задумался о том, чего хочу, то почти убе-

Кажется, сейчас у вас больше друзей, чем раньше, вы сдружились с некоторыми своими гостями.

Да, это так. Я сознательно решил на это. Я заметил, что мне очень приятно, когда у меня получается преодолеть сомнения и страхи и подружиться с кем-то. Раньше я упускал такие вещи, потому что не ощущал себя в полной мере человеком. Это очень тяжело, потому что я легко замыкаюсь в себе. Я могу пригласить человека в гости, а потом вдруг рассердиться на него за то, что он не дает мне побыть наедине с собой.

Совершали ли вы во время первого брака ошибки, которых теперь надеетесь избежать?

Да, конечно же. Мой новый брак складывается хорошо, но я понимаю, что легко могу все испортить. Я могу по уши погрузиться в работу и начать игнорировать то, что важно

вают платяной шкаф одеждой, а потом ничего из этого не носят. Или покупают какие-то безумные вещи, кучу машин.

Считается, что вы стали гораздо более открытым, чем раньше.

Знаете, люди говорят мне: «Ваша передача стала лучше, многомернее». Думаю, это из-за того, что мне теперь интересны чувства других людей. Психотерапия помогла мне открыть новые грани своей личности. Теперь мне интересно в людях то, чего я раньше не понимал. Раньше я был одномерным, в первые годы лупил людей по голове дубиной, как какой-нибудь кроманьонец.

Сейчас вас круглыми сутками можно видеть по телевизору и слушать на радио. У вас прекрасная жена. Вы добились всего, чего хотели, вам платят больше, чем кому-либо другому, но вы все равно несчастливы. Чего вам не хватает для счастья?

«Я не скажу, что сейчас уже достиг просветления. Я не Будда. Иногда мне сложно смириться с тем, что меня слушает не весь мир и что не все хорошие шутки придумал я»

не в том, что окружающие принадлежали к другой расе.

Оказалось, что дело, конечно, было не в цвете кожи. Дело было во мне! Это я был нелюдимым. Я думал: «Черные меня ненавидят!» А потом: «Секундочка, белые меня тоже ненавидят!» Я был отчужден от всех еще сильнее.

И поэтому вы стали работать на радио, где вас никто не видел.

Когда я только начал работать на радио, то понял, что если я чего-то добьюсь в этом деле, то не в качестве ведущего музыкального эфира. Я сказал: «Нельзя, чтобы *The Beatles* и *The Rolling Stones* завоевывали мне рейтинги. Каждый дурак может ставить в эфире музыку. Но если мне есть что сказать, то никто другой за меня этого не скажет».

Ваше раннее поведение было агрессивнее, в нем был соревновательный дух.

Мне нужно было быть первым, превзойти других любимыми сред-

ствил себя, что нужно уйти с радио. Я решил, что сделал все, что должен был сделать. Мне нравилась работа, но хотелось иметь свободное время для чего-то еще. Сейчас у меня точно такое же расписание, как и всегда. Со временем я начну делать три передачи в неделю. Я давно работаю на радио, но все время вставать по утрам все так же тяжело. К этому не привыкаешь. Сегодня меня разбудил будильник, и чувство было такое, будто это случилось в первый раз.

Вам хочется приглашать на передачу людей, которые интересны вам самому?

Да, но мне нужно помнить, что у меня за передача и кто ее слушает. Я три года был помешан на шахматах. Будь моя воля, я бы пригласил всех шахматистов, каких мог, и распугал бы почти всех своих слушателей. Сейчас я совсем перестал играть, потому что мне надо было отвлечься. Теперь я немножко фотографирую.

для Бет. Я ужасно нарциссичен, и мне нужно держать это под контролем. Когда мы с Бет вступили в брак, многое поменялось. Не столько между нами, сколько в том, как к ней стали относиться другие люди. Раньше все говорили: «А, так ты та блондиночка, с которой встречается Говард Стерн». Но когда мы поженились, все поменялось. Теперь люди говорят: «Это жена Говарда Стерна». И это для меня важно. Я женился на Бет, чтобы дать ей понять, как она важна для меня, чтобы она поняла, что я смотрю на нее как на равную себе.

Как вы тратите деньги?

Я очень консервативен. Я не из тех, кто много тратит на себя. Не потому, что я хочу жить скромно, просто я знаю цену деньгам. Этому я научился от отца. У меня есть кое-какие акции и облигации, вот и все. Никакими изощренными способами я деньги не трачу. Я читал жуткие истории о людях, которые зарабатывают кучу денег, наби-

Не знаю. Сложный вопрос. Внутри меня пылает злорада. Раньше я постоянно должен был что-то доказать миру, своему отцу, всем тем женщинам, с которыми я не переспал. Все время так получалось. Я не скажу, что сейчас уже достиг просветления. Я не Будда. Иногда мне сложно смириться с тем, что меня слушает не весь мир и что не все хорошие шутки придумал я.

И какая же у вас теперь цель в жизни?

Много лет назад я бы ответил: снять еще один фильм. Или еще что-то в том же духе. А сейчас я не уверен в ответе. Моя цель — достичь равновесия, научиться жить со своей злостью, понимать ее причины. И тогда она исчезнет. Хотя не знаю, получится ли у меня.

Говард Стерн

Трансляции шоу «Howard 100» круглосуточно на siriusxm.com